

Анастасия Новицкая

**Фальшивые
Дамазы**

Анастасия Новицкая
Фальшивые алмазы

«Литнет»

2026

Новицкая А.

Фальшивые алмазы / А. Новицкая — «Литнет», 2026

Жизнь Анны Бестужевой отмерена каратами и холодным блеском алмазов. Её мир — это семейная ювелирная империя, жёсткие правила отца и одиночество. Первый удар — смерть отца, которая оказывается убийством. Семь лет спустя Анна, окрепшая и уверенная, готовит триумфальную коллекцию. Но в день её триумфа бриллианты объявляют фальшивыми. И теперь единственный, кто может ей помочь, лучший детектив города. Тот самый Дмитрий Орлов, который когда-то её предал. Им придётся вместе пройти через лабиринт старых ран, новых предательств и смертельной опасности, чтобы добраться до правды, которая может быть страшнее любой лжи. _____ Новые главы каждый день! Добавляйте мою книгу в библиотеку, чтобы не потерять!♥#

© Новицкая А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	14
ГЛАВА 4	17
ГЛАВА 5	21
ГЛАВА 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель, это произведение является художественным.

Все персонажи, город, места и события – плод моего воображения и являются вымышленными.

ПРОЛОГ

Знаете ли вы как добываются алмазы, а затем создаются бриллианты?

Отец прививал Анне любовь к камням с детства. В то время, как все дети играли на улице в песочнице, с куклами, в машинки, катались с горок, его дочь сидела за научными статьями по добычанию алмазов, а затем превращения их в блистательный бриллиант. Ее детство пахло не пластилином и акварелью, а пылью старых научных журналов, книг и холодным блеском минералогических справочников.

Он много раз говорил ей, и готовил к тому, что она единственная его наследница, эти слова звучали не как обещание счастья, а как обет, данный судьбе. Отец даже возил её в экспедицию по добычанию алмазов. Когда Анна была еще совсем маленькая, ей было лет пять, всё это ей казалось очень интересным. Она держала в ладошке необработанный алмаз, и он сверкал для нее всеми чудесами мира.

Но чудеса росли, как и она сама. И теперь они были за окном в виде звонкой гурьбы на площадке. Девочки, передающие друг другу кукол в ярких платьях, смех, разрывающий воздух над качелями. Ее мир сужался до размеров отцовского кабинета, до стола, лакированная поверхность которого хранила невидимые царапины от тысячи бриллиантов. «Ты должна быть погружена», — звучал приговор. Погружена, как камень в толщу земли. Без света, без воздуха, без простора».

И тогда в ней, тихой и послушной ученице, началось тихое восстание. Под матрасом у нее прятался не дневник с сердечками, а клубочки ниток, обрезки ткани и вышивальная игла. По ночам, при свете настольной лампы, ее пальцы, знавшие, как держать лупу для огранки, учились новой, запретной магии. Анна вязала крючком платья для кукол-невидимок, вышивала крошечные салфеточки для воображаемого чаепития. Она создавала свои сокровища теплые, мягкие, без холодного блеска.

Школа была передышкой, окном в другой мир, и родители его допускали ведь знания нужны. Но звонок с последнего урока был не освобождением, а возвращением под стеклянный колпак. Дорога домой вела не в комнату с игрушками, а обратно к тому столу. Она садилась, и под ее ладонями грубый кристалл постепенно сдавался, обретая грани. Она училась создавать шедевры, которые будут ослеплять чужих людей, в то время как в самой глубине ее души, как самый драгоценный секрет, уже сверкал иной бриллиант хрупкая, вышитая бисером мечта о другой жизни.

— Пап, я устала, мне ещё нужно сделать домашнюю работу по математике, — грустно и устало сказала Анна, — понимаешь? Время уже одиннадцать часов ночи, а я совсем не готова.

Отец, снял свои очки, отвлекся от очередной своей работы, посмотрел сурово и очень строго на свою дочь.

— Посмотри, Анна, на твоём алмазе нет любви, нет счастья. Твой камень — он без души. Тебе так никогда не достичь высот, как я — закончил, как приговор, словами отец.

— Как ты не поймёшь папа, я расту, у меня нет жизни, нет друзей — начала всхлипывать Анна, — я одинока, мои лучшие друзья — это камни, я устала от них, понимаешь?! — не сдерживая эмоций начала кричать Анна.

— Ах ты...бессовестная, я столько сил, столько денег в тебя вкладываю, чтобы ты стала моим наследием, нашего Ювелирного дома! А ты мечтаешь о друзьях, о куклах. Думаешь я не знаю, что прячется у тебя под матрасом? Теперь и этого у тебя нет. Уходи, я не хочу тебя видеть — закричал отец.

— Не может быть...

Анна в слезах выбежала из кабинета отца и побежала в свою комнату. Руки тряслись, она боялась поднять матрас и понять, что слова отца — это правда.

Но Анна сделала это, и увидев пустое место, она поняла, что её жизнь уже давно обречена. Когда кругом говорят, что лучшие друзья девушек — это бриллианты, то для Анны — это враги.

Тут в комнату зашла мама:

— Дочь... ты знаешь, я бессильна, отец у нас тверд характером, он не умеет показывать своих чувств, он боится, что рано или поздно случится то, что перевернёт все наши домашние устои. Возможно, он что-то знает, но молчит, — устало и с лёгкой тревогой сказала мама, — но знай, твои маленькие игрушки, я не позволила отцу их выбросить, поэтому, когда он будет на работе, я дам тебе твои вышивки и бисер.

Это маленькое, личное предательство в пользу дочери переполнило чашу. Анна, которую годами учили сдерживать всё внутри, вдруг обмякла. Она припала к материнскому плечу, и тихие, сдерживаемые рыдания превратились в целую бурю отчаяния двенадцатилетнего сердца.

— Мама... — всхлипывала она, — мама... я устала, мне всего двенадцать лет, что же будет дальше, мама?

— Будь послушной, дочь моя, вместе мы справимся, но помни, отец очень любит тебя, хоть и никогда этого не показывает, он считает это слабостью, а не силой, — успокаивающе сказала мама, — а ты покажи ему свою любовь, тогда он станет мягче. А сейчас делай уроки и ложись спать. Я поговорю с папой, не волнуйся. Всё нормализуется, обещаю.

Она сдержала обещание насчет вышивок. Но ее другое обещание, что всё образуется, оказалось не в ее власти.

Страх отца, тот самый, о котором шептались по вечерам, материализовался не сразу. Прошли годы. Анна успела почти смириться, найти в камнях свою условную мелодию, научиться дышать в заданных рамках.

Но однажды то, чего он так боялся, всё же случилось. Жизнь действительно перевернулась. Только случилось это не из-за слабости или ошибки, а по жестокой иронии судьбы.

Отца не стало. И все его выстроенные, неприступные устои рухнули в одно мгновение, оставив после себя не порядок, а гулкую, алмазную пустоту.

ГЛАВА 1

Город Камнегорск

Время 7:00

Частный коттеджный посёлок «Ясная поляна»

— Анна, вставай Анна, — пыталась разбудить её мама, — сегодня первый день твоей учёбы в институте. Вы опять с папой сидели допоздна, создавая коллекцию. Анна, ну же, иначе вылью кувшин воды на тебя, — уже начала недовольно говорить мама.

— Боже... встаю, встаю, — вяло раскрыла свои глаза Анна, — уф, кто придумал в такую рань вставать на учёбу.

Мама открыла шторы.

Солнечный луч, плотный, как слиток раскаленного металла, ударил прямо в лицо, миновав веки, которые казались вдруг такими тонкими и бесполезными. Анна резко зажмурилась, но было поздно свет уже проник внутрь, отпечатав на сетчатке кроваво-оранжевые пятна, плывущие в черноте. Она невольно дернула головой, уткнувшись носом в прохладную подушку, пытаясь спрятаться в ее складках, вернуться в мягкий синеватый сумрак, что царил в комнате секунду назад.

В комнате не стало темных уголков все было залито ровным, безжалостным светом нового дня, смывающим последние следы сна. Воздух, еще секунду назад прохладный, казалось, тоже начал двигаться, вибрировать в этом сиянии. Анна, все еще жмурясь, медленно, с сопротивлением повернулась на спину, подставляя свету все лицо, чувствуя, как ее кожа под его прикосновением постепенно просыпается, сначала легким теплом, а потом почти осязаемым жаром. Это было не пробуждение, а вторжение.

— Мама, ты причиняешь мне боль, — рассмеявшись сказала Анна.

— Если через пять минут не встанешь и не спустишься на завтрак, причину настоящую боль, — мягко и с долей сарказма в голосе сказала мама.

Откинув ногами свое такое теплое и мягкое одеяло, словно облачко, я села на кровати, потянула спину. Первый день в институте, Анна теперь стала первокурсницей, выбрав довольно неоднозначную профессию.

К концу одиннадцатого класса, Анна уже умела создавать невероятной красоты бриллианты, поэтому отец пошёл на встречу и разрешил выбрать направление в учёбе, которое захочет сама Анна.

И какой же шок испытали родители, узнав, что она собирается поступать в юридический вуз получив высшее образование по специальности «Юриспруденция», а затем стать профессиональным детективом и браться за дела любой сложности.

Отцу Анны, Юрию Владимировичу Бестужеву, это очень не понравилось.

— Анна о каком детективе идёт речь, я что-то не пойму? — строго и сурово, со своей обычной манерой общения спрашивает отец.

— Ну обычный, знаешь там, например, как Шерлок Холмс! — восторженно восклицала Анна, — надеюсь в институте познакомлюсь с Ватсоном, и мы станем отличной командой.

— Анна твоё призвание это алмазы! — уже начинал повышать голос отец.

— Знаю, знаю, не брошу я твои алмазы, стану первой девушкой в нашем маленьком городке, которая и бизнес сможет вести, и дела раскрывать.

— Это какое-то безумие, просто нет слов, — стукнув кулаком по столу сказал отец. — В любом случае, я тебе обещал, что ты сама выберешь направление, обещание нужно выполнять, запомни Анна НУЖНО. Удачи на вступительных экзаменах, — и отец ушел из комнаты в свой привычный кабинет.

Так Анна и поступила на специальность «Юриспруденция». Она смогла сдать почти все предметы на высший балл. От части Анна это сделала специально, чтобы убедить отца, что жизнь не строится на одних алмазах. В жизни есть много увлекательного и интересного.

Она смотрела на него иногда за ужином, молчаливого и погружённого в свои мысли о поставках и каратах, и думала, что он, наверное, вообще не замечает мира за окном. Для него, вероятно, дождь — это просто вода, задерживающая разгрузку груза. Снег — помеха для транспорта на рудник. Новый год — лишний выходной, сбивающий график отгрузок. А дни рождения... Анна с горькой иронией ловила себя на мысли, что уже и не помнит, когда родители поздравляли её вовремя. Обычно открытка с подарком находили её спустя несколько дней, а то и неделю, как будто её личное время было менее ценно, чем время, потраченное на сделку.

Поздравления всегда были деловыми, лаконичными, словно отчёт о выполнении обязательств. В них не было ни искреннего удивления («Как ты выросла!»), ни тёплого воспоминания («Помнишь, как в пять лет...»), лишь сухое «Желаем успехов». Её день рождения был для них не праздником, а просто ещё одной датой в календаре, которая часто попадала в слепую зону между важными контрактами.

— Анна, почему ты ещё не за столом? — кричит из кухни мама.

Прыгнув в свои тёплые тапочки, Анна спустилась на первый этаж и оказалась на кухне.

Мама, Инна Александровна Бестужева, была врачом – хирургом.

Это не просто профессия — это была особая, почти священная вселенная, с собственным временем, законами и тишиной. Для Инны Александровны не существовало слова работа в обычном смысле. Была миссия. Ответственность, которую она несла с достоинством часового на важнейшем посту. Каждый, кто попадал в её руки: от испуганного ребёнка с аппендицитом до седого мужчины со сложнейшей травмой мгновенно становился её ребёнком. Не пациентом, нет. Её голос за дверью палаты менялся, становился мягче, но в нём появлялась стальная, непоколебимая уверенность, вселяющая надежду: «Ну что, родной, как самочувствие? Сейчас разберёмся».

Её руки превращались в инструменты невероятной точности, а взгляд — в лазер, видящий болезнь насквозь. Она не признавала слова «неизлечимо», боролась за каждого до последнего. И выходила из-под лампы не просто уставшей, а выжатой, но с неизменной искоркой в глазах искоркой отвоеванной у смерти жизни.

И пока Анна училась находить красоту в холодном блеске камней, её мама творила своё, главное искусство — искусство возвращать тепло, дыхание и будущее тем, чья жизнь висела на волоске.

— Как вкусно пахнет мама, твои руки с хирургической точностью и вкусом делают блинчики, — улыбнувшись сказала Анна.

— Ешь давай, — положив порцию блинчиков начала мама. — Папа тебя отвезет сегодня в институт, ему надо на бизнес-встречу, поэтому едете вместе, — подытожила мама.

— Конечно, и по дороге придётся слушать, какую значимую роль играют камни в нашей жизни, — буркнула я.

— Анна, — сказала устало мама, сев напротив меня, — папа старается в конце концов, посмотри, какую красивую коллекцию вы создали вместе. Уже все бриллианты раскупили, разве это плохо?

— Конечно нет, мы столько трудимся, не смыкаем глаз под настольной лампой, но жизнь идёт, а если я захочу, ну не знаю, встречаться с кем-нибудь, — осторожно начала Анна, — папа что под ключ меня посадит?

— Ой, доченька, лучше не говори таких вещей, ты же знаешь, папе надо чтобы он походил нам по статусу.

— Но ведь мама, тебя он нашёл в обычной семье, ни бизнесмены, ни миллионеры, обычная деревенская семья, — возмущенно сказала Анна.

— Так и есть, — задумчиво сказала мама, — да и он был сам обычным человеком. Что-то изменилось, и он не говорит даже мне. Поэтому иногда меня посещают самые страшные мысли. Но давай не будем это мусолить, сегодня твой первый день в институте, мысли должны быть только позитивные, — щёлкнув по носу мама встала пошла наливать кофе.

— Доброе утро семья, — выйдя из комнаты начал папа, — давайте завтракать, и поедем Анна, даю тебе тридцать минут на сборы, хорошо?

— В душ схожу, оденусь и буду готова.

Завтрак прошёл в молчании. Всё это время Анна наблюдала за папой. Его явно что-то беспокоило. Глаза были совсем уставшие, в них виднелась печаль, беспокойство. Словно сейчас он совсем не думал о своих бриллиантах, что-то беспокоило отца побольше, чем работа. Анна была удивлена такому переменчивому настроению папы, что всерьёз начала беспокоиться. Но как заговорить с ним, как начать этот разговор мягко, чтобы папа принял его спокойно, она пока не понимала, поэтому решила, что придёт время, и, быть может, папа сам расскажет.

Так как у Анны было всего тридцать минут на сборы, за десять минут она приняла душ, в первый день решила одеть строгую черную юбку карандаш, рубашку бордового цвета из шёлка, на руки одела свои любимые часы, подаренные родителями в честь успешной сдачи экзаменов и поступления в вуз. Часы эти были особенными, так как папа сам вокруг циферблата выложил дорожку из маленьких бриллиантов. Волосы распустила, но, чтобы они не свисали и не мешали глазам, скрутила немного прядь волос и зафиксировала крабиком. Анна была готова ехать.

— Пап, я готова, — спустилась по лестнице Анна и ждала у выхода из дома.

— Моя красавица, — подошла мама, — будь аккуратна и внимательно слушай преподавателей, — поцеловала она в макушку Анну.

— Конечно, ты же знаешь, папа меня этому учил с пелёнок, я про внимательность, — съязвила Анна.

На её удивление папа прошёл мимо нас к машине, и даже ничего сказал. Здесь явно что-то было не так.

«Я ещё даже не стала детективом, но папа меня слишком беспокоит» крутилось у Анны в голове, словно заевшая пластинка.

— Мам, что с папой?

— Не знаю, дай ему время, беги.

Анна подошла к машине, отец молча кивнул, чтобы она садилась на пассажирское, и они двинулись — Анна на встречу к новым знаниям и знакомствам, а отец на встречу, которая по итогу перевернет всю нашу жизнь вечером.

ГЛАВА 2

Не понятно, от чего Анна волновалась больше, потому что у отца было странное поведение, или от того, что сегодня её первый день учёбы.

Школа так и не стала для неё местом, где можно было обрести что-то большее, чем знания в учебниках. Дружба — это слово оставалось для Анны теоретическим понятием. Каждый робкий росток симпатии, каждый обмен улыбкой у школьной доски отец методично выжигал ледяным «Только камни». Сначала она пыталась сопротивляться, потом просто грустила, а к концу обучения в её душе образовалась пустота, привычная и ноющая. Она наблюдала за одноклассниками со стороны, как через толстое стекло витрины: их сбивчивый смех после уроков, планы на выходные, шелест подарочной бумаги на чужих днях рождения. И ей становилось так тихо и холодно внутри, будто её личная Вселенная состояла лишь из безмолвного давления и вечного полумрака кабинета с лупой. Она смирилась с тем, что радость общих секретов, безумной поддержки и просто тихого «как дела?» пройдёт мимо, оставив лишь лёгкий, горьковатый след сожаления.

Где-то в глубине души Анна даже боялась открываться людям, она совсем не умела поддерживать в трудную ситуацию, не знала, как правильно радоваться за успехи друзей. Всё это было для неё большой тайной.

О любви Анна запрещала себе думать. Сама мысль о возможной встрече, о появлении рядом кого-то, кто захочет её увидеть настоящей, вызывала не романтическое волнение, а чистый ужас. Она тут же рисовала в воображении сцену: неловкое представление, ледяной, оценивающий взгляд отца, его вопросы, больше похожие на допрос о происхождении, доходах и намерениях. Её молодой человек... нет, даже гипотетический «он» в этой картине мгновенно превращался в беззащитную мишень. Лучше уж совсем ничего, чем такая пытка для них обоих.

И всё же. Где-то в самых отдалённых, потаённых уголках её души, куда не доходил даже внутренний голос отца, теплилась крошечная, непотушенная искра. Она мечтала. Неясно, смутно, но мечтала ощутить всё это: доверительную болтовню до утра, крепкое объятие в трудную минуту, безумное счастье за другого, сладкое и тревожное головокружение влюблённости. И в этот первый учебный день, несмотря на всю тревогу, она цеплялась за хрупкую надежду. Надежду на то, что институт станет не просто новой главой, а целым новым томом в её жизни. Томом, где появятся другие правила, другие герои и, может быть, наконец-то, начнётся её собственная, а не отцовская, история.

В то же время Анне было тяжело всегда находиться в коллективе.

Ведь их Ювелирный дом «Бестужев» был самым успешным и популярным в городе. Он был городской легендой, символом безупречного вкуса и недоступной роскоши.

Многие на неё смотрели с восхищением, словно она бриллиант, лежащий на витрине. Но были и те, кто завидовал, думали, что без отца она была бы никто. Но никто не знал, какая история хранится за дверьми их дома.

Никто не подозревал, что блеск витрин куплен бессонными ночами девочки, которая с пяти лет, когда её сверстники засыпали под сказки, не смыкая глаз, училась под холодным светом лампы различать десятки оттенков чистоты камня, рассчитывать идеальные пропорции огранки, чувствовать металл под пальцами. Эта «красота» была для неё не волшебством, а суровой, ежедневной работой, в которой не было места детству.

Многие пытались даже выпросить бриллиант бесплатно, как подарок на день рождения. Но лишь для того, чтобы продать подороже.

И так, зажатая между восхищением, которое было обращено к её фамилии, и завистью, которая отрицала её личность, Анна чувствовала себя вечной заложницей в золотой клетке семейного успеха. Она была центром всеобщего внимания, но при этом невыразимо одинокой.

Так, в абсолютной тишине они доехали до института.

— Анна, приехали — даже не взглянув на дочь начал отец. — За ужином я кое-что расскажу тебе и маме, так что сегодня мы не будем заниматься коллекцией.

На отца это было совсем не похоже.

— Пап, мне стоит волноваться?

— Нет, — попытался выдать улыбку отец, но получалось не очень, — сегодня твой первый день, отставить волнения!

— Это так тревожно, даже от того, что люди готовы расстилать красную дорожку, видя, что идёт Бестужева, — закатила глаза Анна.

— Не обращай внимание, они язвят, а камни всё равно закупают у нас, — с усмешкой сказал отец.

— Тут ты прав, папа.

Анна обняла отца, вышла из машины, помахала ему рукой.

Затем она повернулась к зданию, которое на несколько лет будет её новым потоком знаний.

Перед ней возвышались двери института. Не просто двери, а огромные, массивные полотна темного дуба, с массивными ручками и, возможно, едва заметными для глаза барельефами. Они отделяли её вчерашний мир, вымеренный каратами и родительскими ожиданиями, от мира будущего, туманного и полного обещаний.

Это был вход в её сокровенную, почти неосознанную мечту, в пространство, где должны были начаться новые открытия не только в учебниках по праву, но и в самой себе. И пока она делала шаг навстречу этим дверям, в глубине души, робко и настойчиво, стучалась надежда. Надежда на то, что здесь, в этих коридорах и аудиториях, наконец, растворится лёд одиночества, и она обретёт не просто знакомых или коллег по учёбе, а тех самых, настоящих друзей, о существовании которых до сих пор лишь догадывалась, как о далёкой и прекрасной стране.

Первой парой был предмет «Административное право», лекционная уже была забита первокурсниками, но стоило Анне зайти, как половина учащихся сразу обратило на неё внимание.

— Эй, Бестужева, камушком не поделишься? — кто-то начал кричать с аудитории.

Укол боли и несправедливости в очередной раз задела Анну. Опять, точнее снова, одно и то же, везде.

Анне не захотелось садиться вперед, поэтому предпочла занять галёрку. Неожиданно рядом с ней села девушка. Она была одета очень скромно, чёрные брюки, белая рубашка из хлопка, чёрные лоферы и небрежный пучок на голове.

— Не обращай внимания на них Анна, — улыбнулась девушка.

Анна совсем не понимала намерений этой девушки, то ли она правда так считала, то ли это был план сблизиться с ней.

— Я уже привыкла, — отстранённо сказала Анна, — как тебя зовут?

— Вера Волкова, — улыбнувшись сказала одногруппница.

Анна ничего больше не сказала ей в ответ. Ей было и страшно, и не понятно, какие мотивы были у Веры. Анна была так далека от мира, что совсем не могла ни начать разговор, ни тем более сблизиться с людьми.

Вера, видя, как Анне тяжело начать общение решила не давить, но поинтересовалась можно ли к ней иногда подсаживаться на пары. Анна против не была, ведь хоть какой-то человек оказался не против её общества.

В первый день у их группы было всего три пары. Автобус, который ходил до посёлка Анны вот-вот уже должен был подойти, поэтому наспех накинув джинсовку, побежала на остановку. И прямо у входа столкнулась с парнем, она врезалась так сильно, что все учебники, которые держал молодой человек разлетелись в разные стороны.

— Боже, простите меня, — неуклюже стала собирать учебники Анна.

— Оставьте, вы, кажется, торопитесь, — ответил молодой человек.

Анна после столкновения совсем забыла про автобус. Повернув голову на остановку, увидела, как он уже отъезжал.

— Ну вот, мой автобус уехал, теперь ждать полчаса, а может и больше, — расстроено сказала Анна.

— Я могу вас подвезти.

— Мы ведь даже не знакомы.

— Дмитрий Орлов, между прочим, ваш одноклассник, — протягивая руку для приветствия сказал парень.

— Ох, прости Анна Бес...

— Знаю, — не дав договорить ей сказал Дмитрий. — В нашем институте ты вроде легенды.

— Я не выбирала ею быть, — начала Анна, но тут же замолчала.

— Так что, я на машине, подвезти? — ещё раз предложил Дмитрий, — только занесу учебники в библиотеку.

— Спасибо, сегодня не откажусь, мне нужно успеть на семейный ужин, — с благодарностью сказала Анна.

— Светские встречи? — ехидно сказал Дмитрий.

— Что-то не хочу с вами ехать! Все во мне видят только богачку! — бросив, собранные учебники на плитку, Анна развернулась и ушла на остановку.

Но не прошло и двадцати минут, как перед ней притормозила машина, и, уже знакомый ей парень Дмитрий сказал, чтобы она садилась.

Анне действительно нужно было успеть на ужин, поэтому всё же предложение она приняла.

— Только прошу, никаких вопросов, соглашусь только на музыку, чтобы не ехать в неловкой тишине.

— Пойдёт, — ответил Дмитрий.

Ехали они минут пятнадцать, это точно быстрее, чем на автобусе. Поблагодарив своего одноклассника, Анна пошла домой, но сердце её волновалось. Ведь она знала и чувствовала, что новость, которую скажет отец, будет плохой.

А парень не уехал сразу, он смотрел в след Анне, как она минут пять маялась, чтобы зайти в ворота собственного дома. От чего-то Дмитрию Орлову захотелось узнать её поближе, что же на самом деле скрывается за оболочкой, придуманной людьми?

ГЛАВА 3

Анна с волнующимся сердцем зашла домой. Мама и папа о чем-то разговаривали в кабинете отца. Анна услышала лишь отрывок из диалога:

— Этого не может быть, — говорила мама.

В этот момент Анна постучала в дверь. Она сразу увидела обеспокоенное лицо мамы, которая пыталась не выдавать своих эмоций.

— Ты пришла? — с волнением в голосе сказала мама.

— Да, пару минут назад, — ответила Анна, — о чём вы говорите?

— Сходи, переоденься, и приходи кушать за стол, — сказала мама.

Отец даже не повернулся в сторону дочери.

— Пап... — начала Анна.

— Я сказала иди, — оборвала тут же её мама.

Анне ничего не оставалось, кроме как послушно выйти из кабинета и пойти в свою комнату.

Сбросив сумку на стул, Анна устало села на кровать. Вся эта таинственность, эти секреты давили на неё. И всё приходилось переживать одной. Анна сходила в душ, под тёплой струящейся водой у неё получилось немного привести мысли в порядок, после переоделась в домашний брючный костюм зелёного цвета, обула свои плюшевые тапочки и спустилась вниз на ужин, который явно не предвещал ничего хорошего.

Родители уже сидели за столом. Сразу было видно, что мама сидела расстроенная, отец сидел отрешённый, словно в этом мире его перестали волновать даже камни. Анна в полной тишине села за стол.

— Давайте кушать, приятного аппетита, — бормоча себе под нос сказал папа.

Анна пыталась начать кушать, но всё было безуспешно у неё не лез кусок в горло. И это молчание родителей просто добивало всю атмосферу. Не выдержав, она бросила вилку в свою тарелку.

— Я больше так не могу, я же не слепая, вижу ваше состояние, — возмущенно сказала Анна, — если вы хотите, чтобы я сначала поела, а потом приняла новость, но хотя бы на сытый желудок, так знайте, не получится, у меня глядя на вас весь аппетит пропадает.

— Ты действительно очень умная девочка, я буду помнить, что вырастил прекрасную дочь, за которую никогда не будет стыдно, — начал папа.

— Как это понимать? Ты уезжаешь? Ты будешь какое-то время работать в другой стране и переживаешь, как я буду вести дела? — начала задавать без остановок кучу вопросов Анна.

— Нет, дочь... — его голос был не хриплым, а каким-то выцветшим, словно от долгого молчания. Он медленно, с неподдельной усталостью, провел ладонями по лицу, будто пытаясь стереть не сон, а тяжесть, накопившуюся за годы. — Но ты пообещай мне. Пообещай, что что бы ни случилось... ты не бросишь наш Ювелирный дом. Ты будешь следить за ним. До конца. — Он посмотрел на неё, и в его всегда твердых, как гранит, глазах мелькнуло что-то неуловимое и хрупкое не страх, а глубокая, отеческая тревога. — Ты ещё так юна... Я боюсь... боюсь, что ты где-то споткнёшься. Или мир, который я для тебя построил... тебя подведёт.

— Папа... — её собственный голос показался ей чужим, тонким и треснувшим. Сердце начало стучать где-то в висках, нарастая тревожным, глухим гулом. — Почему ты говоришь об этом *сейчас*? Почему именно *так*?

Он опустил взгляд, его плечи, всегда такие прямые и неуступчивые, слегка ссутулились под невидимой тяжестью.

— Дочь... — он начал, и каждое слово, казалось, давалось ему с нечеловеческим усилием, выходило тихо, но с убийственной ясностью. — Я болен. И... в скором времени... меня не станет.

Мир не взорвался. Он рухнул внутрь, в абсолютную, беззвучную пустоту.

Звук хлопнувшей где-то двери, тиканье дорогих напольных часов, собственное дыхание — всё это растворилось, исчезло. Свет из окон померк, будто кто-то выдернул вилку из розетки вселенной. В ушах стоял лишь оглушительный, пронзительный звон белый шум катастрофы. И сквозь этот звон, как удары молота по хрусталу, отдавалось эхом: *болен... не станет... болен... не станет...*

Сердце не билось, оно колотилось, бешено и беспорядочно, пытаясь вырваться из грудной клетки, захлебываясь в панике. Всё вокруг: строгие линии кабинета, блеск образцов в витрине, даже фигура отца поплыло, исказилось, как в дурном, кошмарном сне. Это сон, отчаянно молился какой-то крошечный голосок внутри. Проснусь сейчас, и всё будет как прежде. Он будет строгим, холодным, далёким, но... живым.

И в этот миг полного крушения, сквозь накатившую тошноту и леденящий ужас, с болезненной, режущей ясностью вспыхнула простая и страшная правда: как бы она ни злилась на него. Как бы ни бунтовала, ни мечтала сбежать от этих алмазов она любила его. Безнадёжно, насквозь, до боли в горле. Он был её скалой, её бурей, её единственным отцом. И мысль о мире без его непоколебимой, деспотичной, тяжёлой руки была невыносимой.

Анна дрожащими руками потянулась к стакану с водой, но он выскочил у неё из рук, и вся вода пролилась на скатерть.

— Что ты такое говоришь? Нет! Это не может быть правдой! — крича и плача одновременно восклицала Анна.

Анна совсем не понимала, что ей сейчас делать, то ли бежать в комнату и рыдать в подушку, то ли оставаться на месте и попытаться всё узнать. Тело словно онемело и не давало ей сдвинуться с места.

— Скажи хоть что-нибудь папа! — не сдерживая своих эмоций кричала Анна.

— К сожалению это правда, — начала монотонно мама. — Я узнала прям перед твоих приходом, посмотрела все анализы. Наш Юрий Владимирович умело это скрывал на протяжении нескольких лет. И порой его бизнес-встречи — это были походы к врачу.

Мама сама не могла в это поверить, и чтобы продолжить говорить, она выпила стакан воды.

— Скажи дальше сам, ты не должен сидеть и молчать, — настояла мама.

Отец посмотрел на дочь впервые не с упреком, не было того строго взгляда, который сметал всё на своем пути.

— Дочь, я боролся со своей болезнью много лет, думал вылечусь, справлюсь, поэтому не говорил, но на той неделе врач уже поставил свой вердикт. Такова жизнь. Возможно год, но может и меньше я пробуду рядом с вами, — голос отца дрожал, слова давались ему крайне тяжело.

Отец, каким бы строгим человеком не был, очень любил свою дочь. Всё изменилось в тот день, когда он впервые узнал о своей болезни. Диагноз прозвучал как приговор, отголоски которого он слышал в каждом ударе своего сердца. И тогда, в тишине кабинета, среди холодного блеска образцов, он принял своё самое тяжёлое решение. Любовь должна была превратиться в требовательность, забота — в строгость, а поддержка — в сухое, безэмоциональное наставничество. На самом деле отец никогда такого не хотел, и когда дочь уходила в свою комнату, Юрий Владимирович злился на себя за такое отношение.

Он очень любит Анну. Но он не мог рассказать, он не хотел, чтобы его жалели и, рассказать правду для него... признаться: «Дочка, я умираю, и потому я так жесток» — означало сломать всё, что он строил. Сломать её. Он в одиночку пытался бороться сам.

О его болезни знал только один человек. Михаил Геннадьевич Авдеев. Друг, с которым они прошли путь от дворовой футбольной команды до вершин бизнеса. Тот, кому можно было, стиснув зубы, выговорить страшный диагноз и увидеть в ответ не панику, а ту же стальную решимость.

Отец попросил его следить за женой и дочерью, когда его не станет. Анна очень любила Михаила Геннадьевича, он был ей как второй отец. Он подкидывал её до потолка в детстве, играл в прятки, а рассказывая о бриллиантах, мог увлечь историей, а не сухими цифрами. Он был островком нормальности в её строго регламентированном мире. У Михаила Геннадьевича, так же есть ювелирный дом. Они всегда с отцом помогали друг другу в бизнесе. Михаил Геннадьевич решил сам построить свою империю на алмазах, и пусть, его дом был не таким известным, закупки и заказы шли хорошо, и они очень уважали друг друга.

— Как же я смогу жить дальше, зная, что каждый день может быть последним, папа? — почти шёпотом, боясь сама своего вопроса спросила Анна.

— Поэтому я и не говорил долгие годы, не надо меня жалеть, лучше подумай, как будешь следить за бизнесом, за нашим Ювелирным домом, — сжав кулаки под столом продолжил отец, — я должен знать, я должен быть уверен, что ты справишься.

— Не могу поверить, ты болен, а тебя все равно интересуют алмазы! — начала кричать Анна. — Хоть раз подумай о СЕМЬЕ папа.

— Я дам тебе пару недель, чтобы ты успокоилась и пришла ко мне, с холодной головой взявшись за работу. Пару недель Анна. Займись учёбой, погуляй по улице, а затем возвращайся ко мне в кабинет, — встав из-за стола, отец тем самым показал, что разговор закончен.

— Мама, почему ты молчишь? — спрашивает Анна.

— Я не знаю, что сказать. Все эти годы я думала, что между нами нет секретов. Я врач в конце концов, но он всё скрыл. С одной стороны я его понимаю, но с другой совсем словно не знаю этого человека, — мама говорила так быстро, она как будто не разговаривала с дочерью, а просто пыталась выговориться. — Я с ним ещё поговорю и не раз, сама проверю всё. А ты займись учёбой, пока у тебя есть пару недель, почувствуй юность, о которой так мечтала.

Мама встала из-за стола и ушла в кабинет к отцу.

А Анна осталась одна сидеть за этим большим дубовым столом, который с сегодняшнего дня больше не радовал глаз и есть больше не хотелось. Я сидела и смотрела в пустоту, и лишь хотела бы, чтобы что-то изменилось, и чтобы папа выздоровел. Но жизнь окажется ещё суровее, чем смертельная болезнь.

ГЛАВА 4

Город Камнегорск

Время 9:00

Первой парой сегодня была физкультура. Анну даже посещали мысли её прогулять, она не спала всю ночь, совсем не была сосредоточена, думала лишь о словах отца, что скоро всё изменится. Но она только — только поступила в институт и прогуливать в первые же дни было плохим показателем.

Да и к тому же все равно никто не поймёт, что случилось и что она испытывает в данный момент.

В раздевалке царил привычный гам: скрип дверок шкафчиков, смех, переключки. Анна словно плыла сквозь этот шум, не слыша его. Она сидела на краешке скамейки, отрешённая, глядя в одну точку на кафельном полу. Её движения были медленными, лишёнными всякой энергии. Она лениво, будто преодолевая сопротивление невидимой среды, натягивала белую футболку, затем тёмные шорты. Форма сидела на ней мешковато, подчёркивая хрупкость и какую-то потерянность. Она завязывала шнурки, и казалось, это простое действие требует от неё невероятных усилий. Всё её существо оставалось там, в доме, где прозвучали роковые слова, в то время как тело по инерции выполняло необходимые ритуалы чужой, студенческой жизни.

— Ой, посмотрите-ка, — протянула одна из девочек, аккуратненько закручивая волосы в высокий хвост. — Наша Бестужева сегодня как с луны свалилась. Совсем не выпалась, да? Наверное, опять всю ночь над каким-нибудь бриллиантом сидела. Жадина, жалко камушком с подружками поделиться, что ли?

Слова, как иголки, впились в Анну. Обычно она бы просто закатила глаза, проглотила эту колкость, спрятавшись за маской высокомерного безразличия — это была её давняя броня. Но сегодня не было сил даже на это. Боль, острая и жгучая, подступила к горлу комком. Обида не столько на слова, сколько на чудовищную несправедливость всего. Они не знали ничего. Не знали, что её мир трещит по швам. Что отец... Она сжала кулаки, и что-то внутри, долго сдерживаемое, сорвалось с цепи.

— Да что ты знаешь? — её голос, хриплый от сдавленных слёз, прорвал шум. Она резко шагнула вперёд, с силой вцепившись в ткань футболки обидчицы, и оттолкнула её к металлическому шкафчику. — Кто ты такая?

— Я на тебя пожалуюсь преподавателю, чтобы тебя отстранили, — начала одногруппница.

— Плевать! — крикнула Анна, и в её крике была вся накопившаяся боль, страх за отца, усталость. Слёзы уже подступали, делая мир размытым, но она не сдавалась. — Слышишь, мне плевать! Ты что, знаешь меня? Знаешь, что у меня происходит? Знаешь, через что моя семья проходит прямо сейчас?! У тебя, наверное, всё замечательно — веселись, гуляй, родители живы-здоровы! Так что заткнись! Просто заткнись и не лезь!

— Бестужева, прекрати! — тут зашёл в раздевалку преподаватель.

Анна тут же отпустила свою одногруппницу, но не склонила виновато голову, а с вызовом посмотрела в глаза преподавателю. Но не успела она что-то сказать, как вдруг:

— Это не она всё начала. Аня не виновата, девочки задирали её и выпрашивали камни, я всё это зафиксировала на камеру — неожиданно вступилась за неё Вера Волкова.

Это было так неожиданно, так невозможно, что у Анны перехватило дыхание. Кто-то встал на её сторону. Впервые. Не как союзник по бизнесу, не как лстивый клиент, а просто так. Она обернулась к Вере, губы её дрогнули, пытаясь сложиться в слова благодарности, но вместо них на глаза навернулись горячие, предательские слёзы. Она лишь смогла едва заметно

кивнуть. И Вера, встретив её взгляд, тоже тихо кивнула в ответ. Ничего больше и не нужно было говорить.

— Это правда? — схмутив брови спрашивал преподаватель у девочек.

Те не могли даже пискнуть, они виновато опустили головы, и так было понятно, что они попались на своей лжи.

— Что ж, — преподаватель выдохнул, указывая пальцем на дверь. — Вы отстранены от занятия. Марш прямиком в кабинет к заведующей кафедрой. Обсудите своё поведение с ней. А ты, Бестужева, — он посмотрел на Анну, и в его взгляде было уже не столько осуждение, сколько строгое понимание, — марш в зал. На разминку. Всё.

Развернувшись, он вышел, оставив за собой гробовую тишину. Анна, всё ещё не веря, глотнула воздух. А потом её взгляд снова нашёл Веру. Слёзы катились по щекам, но это были уже не только слёзы боли. В них была капля странного, забытого чувства облегчения.

Вера подошла и обняла Анну ничего ей не говоря. Она дала ей выплакаться, избавиться от эмоций, которые так долго жили глубоко в её душе. Анна сначала испугалась, но затем сжав футболку Веры перестала себя сдерживать.

Но никто даже не заметил, что все это время в проёме у входа в женскую раздевалку стоял Дмитрий Орлов. Когда он выходил из мужской раздевалки, он услышал крики и решил задержаться. Дмитрий попал как раз на диалог, когда Анна кричала про родителей. А дальше он уже не мог сдвинуться с места и просто смотрел на всё, что происходит после.

«— Что же не так с этой девчонкой... — начал думать про себя Дмитрий. — Казалось бы всё при ней, деньги, фигура, шикарный особняк, но она одинока. Никогда не мог бы подумать...»

Тут Дмитрий увидел взгляд Веры, и поскорее решил уйти, чтобы чего не подумали ненароком.

— Спасибо... — осторожно начала говорить Анна. — Никто ещё не вступался за меня.

— Не за что благодарить, пойдём, а то препод будет злиться, — улыбнувшись Вера потянула за собой Анну в зал.

Оставшиеся минуты на физкультуре, к счастью, прошли без приключений. Анне даже получилось немного отвлечься и прийти в себя. На выходе из корпуса её поймал Дмитрий.

— Легенда, — с лёгким заигрыванием говорил он. — Ау Легенда!

Анна сначала вообще не могла даже понять, что обращаются к ней.

— Это ты мне? — недоумевающе с удивлёнными глазами начала спрашивать Анна.

— А ты видишь тут кого-то ещё? — ехидно спросил Дмитрий.

— Какая же ты язва. — вздохнув Анна скрестила руки на груди. — Что тебе от меня нужно?

— Да так... сегодня может тебя тоже подвезти?

— Ты что заделался моим личным водителем?

— Может и так, и что с того? — непринужденно продолжал диалог Дмитрий.

— Послушай, не знаю, что тебе от меня надо, и какую цель ты преследуешь, скажи мне просто прямо. Знаешь, я вот это всё вокруг да около очень не люблю, — недовольно сказала Анна.

— Ладно, я видел, что произошло, ну, сегодня в раздевалке. — осторожно начал Дмитрий. — Ты в порядке?

Анна так и стояла, уставившись на него, словно он экспонат в музее. Сначала Вера, теперь Дмитрий, который всего один раз подвёз её до дома. Сегодня точно какой-то день благотворительности для Анны Бестужевой. Откуда столько переживаний и волнений за неё всего за одну пару.

— Ау, — начал махать руками перед лицом Дмитрий. — Ты всё ещё здесь?

— А, да, уже в порядке. Но почему тебя это волнует? Жалеть меня не нужно.

— Ты врёшь, Легенда. — опять выдавил из себя свою фирменную ухмылку Дмитрий. — Захочешь поговорить в общем звони. — И он сунул ей в карман её пиджака бумажку с мобильным номером, развернулся и ушёл.

«— И зачем мне ему звонить? — подумала про себя Анна, но бумажку решила не выбрасывать».

Последующие пары прошли так же спокойно, на паре по финансовому праву прошла первая самостоятельная работа, с которой Анна справилась неплохо. Уже собирая свои учебники в сумку и выходя из аудитории, её остановила Вера.

— Ань, не хочешь сходить со мной в кафе на часок?

Анна решила воспользоваться данной ситуацией. Ведь отец сам ей дал две недели на «свободную» жизнь. Отправив маме сообщение, что задержится с одноклассницей на чашке кофе, дала своё согласие Вере.

Кафе было неподалёку от института. Сегодня был довольно дождливый день. И Анна решила, что так даже будет лучше, может к тому моменту дождь закончится.

— Ань, — начала Вера, — я надеюсь не кажусь тебе слишком навязчивой. Я не пытаюсь набиться к тебе в друзья. Я вижу, как ты никому не доверяешь. Просто мне кажется я тебя понимаю, — скромно улынувшись сказала Вера.

— Ну... мне показалось это странным, но, возможно ты удивишься, но у меня нет подруг, — проведя по своему хвосту ладонью сказала смущённо Анна. — Поэтому я действительно не знаю, как реагировать на этот порыв дружбы.

— И у меня нет друзей, просто мне показалась ты самой искренней девушкой на факультете, — ответила Вера.

— Ладно, — протягивая руку Вере она продолжила, — здравствуй мой первый друг, — рассмеявшись сказала Анна.

Вера ответила взаимным рукопожатием. Девочки выпили кофе, обменялись номерами телефонами, договорились как-нибудь встретиться погулять и побольше пообщаться позже.

Холодный осенний дождь, казалось, намертво сросся с небом, превратив весь мир в одно большое, серое и мокрое пятно. Он не заканчивался, а только усиливал напор, назло всем и каждому, шумно барабанил по крышам и асфальту. Анна, кутаясь в слишком лёгкую куртку, с тоской посмотрела на часы, пора домой, идти через этот потоп.

— Эй, Легенда! Заблудилась в трёх каплях? Подвезти от греха подальше?

Она вздрогнула, прямо перед ней, будто материализовавшись из самой дождевой завесы, стоял Дмитрий, прикрывая голову портфелем с учебниками. На его лице играла знакомая ухмылка.

— Я уже начинаю думать, что у меня появился личный сталкер, — сказала Анна, не в силах скрыть лёгкую улыбку. — Ты точно не скрываешь сверхспособность появляться ровно в тот момент, когда я особенно не хочу мокнуть?

— Решайся, детектив, пока я сам не растаял от такого внимания, — парировал он, делая шаг в сторону припаркованной неподалёку машины. — Едешь или нам тут продолжить шпионский диалог?

— Нет, спасибо. У меня есть прекрасная возможность протестировать свою куртку на водонепроницаемость, — ответила она, делая вид, что собирается шагнуть под потоки.

— Ты будешь не тестировать, а плавать в ней, как русалка, — настаивал он, уже открывая дверь пассажира. — Или ты хочешь, чтобы в институте завтра ходили слухи, что Бестужева ночью превращается в выжатую тряпку?

— Слушай, я начинаю опасаться, что скоро мне придётся тебе зарплату выписывать, как персональному таксисту, — с сарказмом ответила Анна. — А я, честно говоря, на такие расходы не закладывалась. Дорогой у меня штат.

— Отлично! — воскликнул он, и глаза его хитро заблестели. — Тогда расплатишься не деньгами, а временем. Сходи со мной в кино. Это будет твоя компенсация за транспортные расходы и спасательные услуги.

— Кино... ладно раз у меня две недели, так и быть схожу, — с улыбкой сказала Анна.

— А что будет через две недели? — совсем не понимая о чём она, спросил Дмитрий.

Но Анна лишь покачала головой, оставив его вопрос висеть в мокром воздухе. Вместо ответа она молча скользнула на пассажирское сиденье, хлопнув дверцей. Как и в прошлый раз, она тут же потянулась к магнитоле, включив привычный, всё заглушающий поток музыки. Дмитрий, бросив на неё долгий, изучающий взгляд, вздохнул и завёл мотор.

Они поехали в полной тишине, если не считать барабанной дробью дождя по крыше. Она смотрела в залитое водой окно, а он украдкой поглядывал на неё, пытаясь разгадать загадку, которая только что села к нему в машину.

— Кажется приехали, — с лёгкой грустью сказал Дмитрий. — Как на счёт завтра похода в кино? Завтра как раз выходной.

На самом деле Анне уже начинал потихоньку нравится Дмитрий Орлов. Но она очень боялась реакции папы. Но пока у неё было время, она хотела насладиться им сполна.

— Согласна, — быстро выскочила из машины Анна, и убежала в ворота своего дома.

«— Безумная, — подумал про себя Дмитрий».

Анна зашла домой, тут вышел из кабинета папа.

— Анна, кто тебя подвозит уже второй раз подряд? — строго спросил отец.

Ну конечно, от папы ничего невозможно скрыть, ничего не останется незамеченным.

— Одногруппник, — без лишних слов сказала Анна. — Ты же сам мне разрешил.

— Ты совсем не понимаешь, что происходит, и что всех нас ждёт в будущем? — сурово ответил отец.

— Ты совсем думаешь не о том, папа.

И Анна молча развернулась и ушла в свою комнату, хлопнув дверью. В комнате она опять не сдерживала своих эмоций. Неужели счастливая жизнь Анны так и останется запретным плодом.

ГЛАВА 5

Город Камнегорск

Время 11:00

Выходной. Само это слово звучало для Анны как тихая, сладкая музыка. Не нужно было вставать по будильнику, спешить на лекции, переключать мозг в режим концентрации. Сегодня мир принадлежал только ей. Она позволила себе спать ровно столько, сколько хотелось, пока сон сам медленно и нежно не отступил, уступая место мягкому утреннему свету, пробивающемуся сквозь шторы.

И только тогда, уже полностью проснувшись, она осознала причину того странного, лёгкого чувства в груди, ожидания, похожего на щекотку. Сегодня был тот самый день.

Улыбка возникла сама собой, непринуждённая и искренняя. Она медленно растянулась на её лице, согревая его изнутри. Кино. Сегодня она идёт в кино с Дмитрием.

Лёжа в теплой постели, Анна вдруг поймала себя на мысли, которая показалась одновременно и забавной, и немного странной. Дмитрий. Парень, который упрямо появлялся в её жизни, как дождь в ненастье, и который сейчас заставлял её сердце биться чуть быстрее. Но что она о нём знала? По сути, ничего. Он был как книга с интригующей обложкой, которую она лишь мельком листала, улыбаясь шуткам и удивляясь его настойчивости. Откуда он? Чем живёт, о чём мечтает, когда не стоит под дождём с предложением подвезти? Смутный образ, немного загадки, немного вызова.

Именно эта мысль наполнила её ожидание новым смыслом. Сегодня не просто поход в кинотеатр. Это была возможность. Шанс приоткрыть дверцу в его мир и, возможно, чуть шире открыть свою. Она надеялась, нет, даже тайно хотела, чтобы за шутками и попкорном нашлись минуты для настоящего разговора. Чтобы они смогли хоть немного, по одному кусочку мозаики, открыться друг другу. И этот тихий, сокровенный интерес к нему сам по себе был для неё новым, трепетным и очень желанным чувством.

В комнату зашла мама.

— Ты сегодня куда-то собираешься? — непринуждённо спросила мама. — Папа сказал, тебя подвозит до дома не первый раз какой-то парень.

— Всего-то два раза подвёз, мама, — надув губу сказала Анна. — Он пригласил меня в кино, в конце концов личную жизнь я должна построить и не остаться одна.

— Прости, Анна, но тут соглашусь с папой. Ты понимаешь, что все дела отца тебе придётся перенять? Он уже несколько дней не выходит из своего кабинета и никого туда не пускает, — вздохнула мама. — К нему приезжает только Михаил Геннадьевич, но и он ничего мне не говорит.

— Мама и ты начала, — не веря её словам начала Анна. — Я уже давно поняла, что моя жизнь сплошное одиночество, усыпанное алмазами. Возможно, кто-то об этом мечтает. А я всего лишь не хочу остаться одной в старости.

— Дочь, ради приличия зайди хотя бы к отцу раз, спроси, как он.

— Мам, я очень переживаю за папу, я люблю его и мечтаю лишь бы он выздоровел. И, я обещаю, я не подведу вас. Дайте мне пожить, хоть немного, — устало сказала Анна.

Мама молча ушла из комнаты, а Анна решила написать Диме.

«Привет. Это Анна Бестужева. Во сколько и где встретимся?»

Ответ не заставил себя долго ждать, словно он сидел с телефоном в руке.

«Я заеду за тобой в 13:00»

Анна не стала отвечать на сообщение, вскочила с кровати и начала быстрее одеваться. Так как на улице был сентябрь, она предпочла одеть зауженные чёрные джинсы, тёплую синюю

водолазку с горлом. Волосы решила распустить, погода сегодня была спокойная, без дождей. Закончила образ чёрной кожаной курткой и лоферами.

Схватив небольшую сумочку, попрощавшись с мамой, выскочила из дома.

— Не нравится мне все это, дорогая, — вышел из своего кабинета отец. — Боюсь влюбится и совсем забросит работу, не создаст ни одну коллекцию.

— Этого следовало ожидать, — начала мама, — она поступила в институт, почувствовала свободу. А ты, между прочим, сейчас сам ей дал полный кард бланш.

— Ничего, надолго это всё не затянется, — твёрдо сказал отец.

— Чем ты занимаешься целыми днями, дорогой? — аккуратно спросила мама.

— Скоро придёт Миша, не сделаешь кофе, дорогая? — проигнорировав её вопрос сказал отец, и ушёл в свой кабинет.

— Конечно... — уже в пустоту сказала мама.

У ворот дома, прислонившись к фонарному столбу, её уже ждал Дмитрий. Осенний ветерок шевелил пряди его волос. Он был одет легко, по-студенчески: черные вельветовые брюки, темные ботинки и небрежно накинутая куртка. Интересно, что скрывалось под ней? Свитер или, может, самая смешная футболка?

— Привет, Легенда! — осветившись улыбкой до глаз, он помахал ей рукой, будто они не виделись сто лет.

Анна, стараясь скрыть набегающую улыбку, подошла ближе, поправляя шарф.

— Здравствуй. И прекрати, наконец, звать меня Легендой, — она сделала ударение, растягивая слово по слогам, как на уроке первокласснику. — У меня есть имя. Ан-на. Оно красивое. И мое.

Дмитрий притворно задумался, почесав подбородок, и в его глазах заплясали озорные искорки.

— Хм... Обязательно подумаю над этим предложением. Обещаю, — он сделал паузу для драматизма. — Но, знаешь, Легенда... Оно тоже ничего. Солидно звучит, как титул.

Они сели в его уютную машину, где пахло кофе и мятной жвачкой. Музыка не играла, но это молчание было не неловким, а своим, привычным, то, в котором можно просто смотреть в окно на мелькающие огни и отдыхать. Так, в тишине, наполненной общим спокойствием, они и доехали до ярко освещенного здания кинотеатра.

Они выбрали романтический фильм. Только потом Анна поняла, как же будет неловко, если главные герои будут целоваться.

Дмитрий и Анна зашли в зал, который был на удивление абсолютно полный. Как обычно, сначала был не фильм, а подборка реклам.

Рука Дмитрия всё время машинально двигалась в сторону руки Анны. Его тянуло магнитом к ней, но боялся спугнуть. Он совсем не знал её. Но понимал, что под её стальной и холодной маской, которую она показывает в институте, скрывается хрупкая, как стекло девочка. Это его и привлекло в ней.

Как и полагалось в романтическом фильме, главные герои начали целоваться. Волна смущения накатила Анну от пяток до головы. Она невольно повернула голову в сторону Дмитрия, и очень удивилась, когда увидела, что он смотрит прямо сейчас в эту минуту на неё. Лицо сразу залилось пунцовым цветом, но какое же счастье, что сейчас зал был погружен в темноту и этого было просто не видно.

Она резко, почти судорожно, отвернулась к экрану, но теперь уже не видела ни кадра, не слышала ни звука. Весь остаток фильма она просидела, выпрямившись, как солдат, дыша поверхностно и горячо, всем существом ощущая его присутствие рядом, сантиметры, отделявшие его руку от её на подлокотнике, тепло, казалось, исходящее от него.

Когда зажегся свет, они молча, не глядя друг на друга, вышли из зала. Давление тишины между ними стало почти осязаемым.

— Ну как тебе фильм? — наконец нарушил тишину Дмитрий у входа, и голос его прозвучал как-то особенно, негромко и внимательно.

— Понравился, — выдохнула Анна, уткнувшись взглядом в свои ботинки, чувствуя, как жар снова подступает к лицу от самого звука его голоса.

— Не хочешь перекусить? — спросил он, и в его интонации промелькнула какая-то неуверенность, что было в нем так редко.

«Перекусить. Да. Нужно что-то делать, нужно что-то держать в руках, нужно говорить о еде, а не о том, почему он смотрел...»

— Конечно, — согласилась она чуть быстрее, чем стоило бы, надеясь, что кусок пиццы или глоток холодной воды сможет погасить этот нелепый, тлеющий внутри пожар, который с новой силой разгорелся, едва она осмелилась на него взглянуть.

Они зашли на фуд-корт, выбрали самый дальний столик, подальше от людей. Каждый заказал себе по кусочку пиццы и газировки.

— Можно личный вопрос? — неуверенно и осторожно начал Дмитрий.

— Попробуй, — не смотря в глаза ответила Анна. — А там я подумаю, отвечать тебе на него или нет.

— Почему ты так одинока? — словно разрезал воздух Дмитрий своим вопросом.

Анна так и зависла с куском пиццы в руке. Она совсем не знала, что ему рассказать. Открыть ли ему завесу своей жизни. Дать ему возможность прикоснуться к семье Бестужевых.

— А ты ответишь мне после этого на мой вопрос честно? — с вызовом спросила Анна.

— Без проблем, — уверенно парировал Дмитрий.

Анна еще раз посмотрела ему в глаза, и как ей показалось, он был искреннем.

— Понимаешь, меня всё время готовили к тому, что я наследница. И Вера и ты, первые мои друзья в принципе. Я ничего не знаю о личностных отношениях. А совсем недавно... — у Анны встал ком в горле, — отец сказал, что неизлечимо болен.

У Анны снова защипали глаза от слёз, и она не смогла сдержать их. Слёзы предательски начали скатываться по щекам.

Дмитрий не стал говорить. Он просто мягко, почти невесомо, поднёс руку и большим пальцем смахнул слезу, скатившуюся по её щеке. Прикосновение было тёплым, шершавым и невероятно бережным. Это был жест настолько простой и настолько искренний, что в груди у Анны что-то ёкнуло, а затем расплылось, трепетное, пугливое тепло, смесь ошеломляющей благодарности и чего-то ещё, острого и сладкого, на что она боялась даже намекнуть себе.

— Сочувствую... — искренне сказал Дмитрий.

Анна резко вдохнула, откинув голову, и буквально натянула на лицо привычную, холодную маску. Защиту. Она быстро вытерла лицо тыльной стороной ладони, уже сухой и решительной.

— Теперь ты, — начала Анна. — Почему ты преследуешь меня? Каков твой мотив?

Дмитрий не мог поверить её вопросу, и впервые растерялся. Ведь мотива то и не было. Сначала ему действительно было жаль девушку. Родители учили его, что нужно заступаться за девчонок и не давать обидчикам в обиду.

Но потом... потом он увидел её в пустой раздевалке сломленную, с трясущимися руками, и сердце сжалось не от одной лишь жалости. А уже на следующей паре она была другой, неприступной, холодной, идеально собранной, как тот самый бриллиант, о котором все шептались. И этот контраст, эта невероятная внутренняя сила, с которой она зашивала свои раны в одиночку, зацепили его. Не как «проект для спасения», а просто... как человека. Девушку.

— Да никакого мотива нет, — выдохнул он наконец, пожимая плечами с лёгкой, смущённой улыбкой. Говорить такое вслух было неловко, но по-другому не получалось. — Ты мне просто нравишься. Вот и всё.

Анна совсем не ожидала услышать такого прямолинейного ответа. «Просто нравишься» крутилось у неё в голове. Анна не могла поверить, что она вообще может кому-то понравиться, ведь она всегда намеренно не подпускала никого к себе, даже если хотела. Да и фамилия играла свою роль.

— В общем-то, — прокашлялась Анна, — ты мне тоже нравишься, хоть и заноза ты. Рассмеявшись, они наконец почувствовали лёгкость между друг другом.

Они пошли, не целясь никуда, просто вглубь парка, и разговор полился сам собой. Впервые в жизни Анна не взвешивала каждое слово на весах приватности и долга. Она рассказывала о холодном блеске необработанных алмазов в свете шахтёрских фонарей, о гуле машин на руднике, который был колыбельной её детства, о сосредоточенном молчании отца за верстаком. Это были не бизнес-отчёты, а живые истории, окрашенные то детским восторгом, то горечью позднего понимания.

Дмитрий слушал, и это было больше, чем просто слушание. Он ловил каждое слово, впитывая не только факты, но и отзвуки её мира в её голосе. И всё это время он чувствовал в своей руке её руку, маленькую, тёплую, настоящую.

Это простое ощущение, этот контакт, наполнял его таким странным, светлым спокойствием. А потом, в момент, когда она, увлечённо рассказывая, жестикулировала свободной рукой и закинула голову, смеясь над какой-то неудачей в экспедиции, его накрыло острое, почти физическое желание. Желание стереть ту крошечную дистанцию, что ещё оставалась между ними. Он мягко притормозил её, наклонился, и мир сузился до её глаз, чуть расширенных от удивления, до её губ...

И она отпрянула. Резко, инстинктивно, как от прикосновения к раскалённому металлу.

— Прости, я... — затараторила она, и её лицо залила яркая краска смущения. Она была похожа на испуганную птицу, готовую взлететь. — Не знаю я... Не умею и не готова... Прости.

В его груди на миг упало что-то холодное, легчайший укол растерянности и досады. Но он увидел её настоящий, неприкрытый страх, искреннюю панику в глазах, и это холодное тут же растаяло, сменившись нежностью и пониманием. Чтобы скрыть своё собственное, пусть и мимолётное, смущение, он просто рассмеялся, легко, без тени обиды.

И, прежде чем она смогла что-то добавить, мягко притянул её к себе, прислонив её голову к своему плечу. В этом жесте была и защита, и утешение, и обещание, что ничего не сломалось.

— В другой раз, Легенда, — сказал он, и в его голосе, сквозь лёгкую, прикрывающую нежность ухмылку, звучало бесконечное терпение.

Он снова назвал её так, и теперь это прозвище звучало не как дразнилка, а как ласковое, обнадёживающее обещание будущего.

Так они прогуляли, наверное, часа три. Они совсем не следили за временем, так им было хорошо в компании друг друга.

— Мне пора, — вдруг неожиданно заговорила Анна. — Иначе возникнет слишком много вопросов.

— Жаль, — с неподдельной грустью сказал Денис. — Я подвезу тебя.

Они дошли до его машины, всё так же держась за руки. Впервые в салоне его автомобиля не стояла гробовая тишина, а были разговоры и смех.

— Спасибо тебе за этот день, — с благодарностью сказала Анна, выходя из машины.

— Постой, Анна, мы же теперь вместе? Как парень и девушка?

Анна растерялась, она не знала такого понятия, и тем более не подозревала к чему это всё может привести.

— Давай попробуем, — смущенно сказала Анна.

— Легенда, мне так нравится, как ты смущаешься, — и Дмитрий наклонился поцеловать её в щёку. — Пока.

И он сел в машину и уехал. Анна на дрожащих ногах поплелась в свой холодный дом. Не успела она переступить порог, как вдруг голос отца, словно меч разрезал воздух:

— Если ты всё это не прекратишь, тебе будет больно. Парень использует тебя, — холодно и жестоко говорил отец, — а ты наивная веришь. Ты Бестужева, понимаешь? Бестужева! Думаешь есть кто-то, кого будешь волновать сначала ты, а потом твои интересы? Вот этого я и боюсь, что, когда меня не станет ты будешь верить всем!

— Почему ты не можешь поверить? — еле сдерживая себя заговорила Анна. — А если даже и ошибусь будет уроком мне. Ты меня скрывал от этого мира, посадив в алмазную клетку. Как я должна жить без тебя? Я люблю тебя папа, очень сильно, но позволь мне самой тогда набить эти шишки.

Отец не мог поверить, кажется, дочь впервые сказала, что любит его.

— Завтра ты будешь весь день занята со мной. Из дома и шагу не сделаешь. Точка.

И отец развернулся и, как всегда, скрылся в своем холодном кабинете. А Анна, сдерживая в очередной раз слёзы, побежала в свою комнату.

ГЛАВА 6

Казалось бы воскресенье. Но отец решил поднять Анну в 7 утра, чтобы она скорее принялась с ним за работу. Анна совсем не хотела вставать и не смотря на уговоры, поспать подольше отец был не приклонен.

Вчера вечером Анна уснула практически моментально, что даже не заметила

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.